

Всеволод Кочетов

ЖУРБИНЫ
♦
БРАТЯ
ЕРШОВЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 75

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой

Кочетов Вс.

К 75 Журбины ; Братья Ершовы : романы / Всеволод Кочетов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 880 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33073-3

Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973) — советский писатель и журналист, военный корреспондент; в разные годы возглавлял Ленинградское отделение Союза писателей, занимал должность главного редактора «Литературной газеты» и журнала «Октябрь». Первый большой писательский успех пришел к Вс. Кочетову с публикацией романа «Журбины» (1952), который рассказывает о жизни семьи потомственных кораблестроителей на протяжении трех поколений. Книга была переведена на множество языков и неоднократно переиздавалась. По мотивам «Журбиных» И. Хейфиц снял фильм «Большая семья», ставший лауреатом VIII Каннского кинофестиваля. Роман «Братья Ершовы» (1958) также получил широкую известность как один из лучших семейных романов и вошел в золотой фонд советской классики наряду с такими масштабными произведениями, как «Братья и сестры» Ф. Абрамова, «Вечный зов» А. Иванова, «Строговы» Г. Маркова, «Угрюм-река» В. Шишкова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33073-3

© Вс. А. Кочетов (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Вечером Первого мая, едва в репродукторах смолк праздничный гул московских пушек, участковый инспектор милиции Егоров услышал ружейную стрельбу.

Егоров бросил только что закуренную папиросу, раздавил ее каблуком и, привычным жестом поправив кобуру, через переулок пошел на звук выстрелов. За распахнутыми окнами в переулке слышались патефоны, гитары, ветер танцев вздувал тюлевые занавески, и от дружного боя каблуков в намытые по праздничному половицы зыбко вздрагивали стены бревенчатых домиков.

Разрешите поплясать, разрешите топнуть!
Неужели в этом доме полы могут лопнуть?

В другое время участковый, наверно, завернул бы на знакомый голос во дворик Натальи Карповны, весь ископанный под цветочные клумбы; он пошаркал бы уважительно подошвами сапог о пеструю дерюжку, разостланную на крыльце, и дернул бы за деревянную рукоять старинного звонка.

Но выстрелы продолжали греметь... С шага Егоров перешел на грузный бег и вскоре, придерживая свою кобуру, выскочил из переулка на Якорную.

За решетчатым заборчиком дома номер девятнадцать, в густой вечерней тени от старых тополей и сиреней, шумела многочисленная толпа. Ничего подозрительного Егоров тут не увидел: просто к Журбиным собрались друзья и соседи и, благо стояла теплынь, разгулялись на открытом воздухе.

Он уже миновал было заборчик Журбиных, когда над головами собравшихся во дворе сверкнули два быстрых огня и вновь ударил гулкий сдвоенный выстрел.

Егоров распахнул калитку.

— Граждане, граждане! — заговорил он, вмешиваясь в толпу. — Что такое, граждане? В чем дело?

— Еще один Журбак со стапеля сошел, товарищ начальник! — непонятно ответил кто-то из мужчин.

— С какого стапеля? Куда сошел? — Егоров тянул носом острую пороховую гарь.

Навстречу ему протискивался сам Журбин, хозяин дома, Илья Матвеевич, с двустволкой в руках.

— Здорóво, Кузьмич! — окликнул Илья Матвеевич еще издали. — Нарушений никаких у нас нету. Салют нации. Рабочий человек родился. Двадцать один залп!

Он подошел, поставил ружье прикладом на землю, оперся о стволы левой рукой, правой дергал себя за бровь, как бы накручивая седеющую прядь на палец.

— Внука, Кузьмич, принесли мне ребятки в дом. Так-то, брат! Знай наших...

В глазах Ильи Матвеевича, вспыхивая, отражались огни уличных фонарей, на лице даже в сумерках была видна самодовольная улыбка. Он произносил слова вроде «так-то, брат» и «знай наших», потому что радость мешала найти другие, более значительные и веские.

Радость же была большая и неожиданная. Именно неожиданная, и не потому совсем, что случилась она в праздничный день. Когда несколько часов назад Илья Матвеевич шагал через город в колонне своего завода, когда вокруг на разные лады гремели оркестры, он всю дорогу помнил о Дуняшке, которую накануне отвезли в больницу. То услышит Дуняшкину любимую песню, то засмотрится на ребятишек-дошкольников: набились в грузовик и машут флажками, — снова подумает о Дуняшке: как-то она там, молодая мамаша?.. Да и заводские нет-нет спросят о ходе событий большой семейной важности.

Позабыл о семейных делах Илья Матвеевич только на площади, куда сошлись колонны всех семи городских районов. Сколько раз за треть века ступал он на этот вымощенный брусчаткой огромный квадрат перед зданием обкома партии и об-

ластного Совета. Площадь служила для него как бы зеркалом, в котором дважды в год отражалась жизнь города, — да и одного ли города? Было время — демонстранты несли на плечах кирки и заступы и прямо с митингов отправлялись на субботники; было время — конные упряжки тащили в колоннах макеты первых зажженных в городе вагранок; за вагранками появились ткацкие станки; несколько лет спустя амовский грузовик повез макет товаро-пассажирского теплохода. То был радостный год: кончилась на заводе пора ремонтов, начиналась пора нового строительства.

Уже много лет не встречался Илья Матвеевич на площади ни с вагранками, ни с ткацкими станками, — в заводских цехах давным-давно пылают мартены и электроплавильные печи, а текстильные машины превратились в такие мощные агрегаты, что даже втрое уменьшенный макет любой из них не уместился бы и на пятитонном грузовике.

В этот Первомай — почему и забылись вдруг семейные переживания — Илья Матвеевич увидел нечто новое, чего еще осенью не было. В газетах, конечно, писали и об экскаваторах, и о подъемниках, и о кабеле, о всяческих приборах и механизмах, которые город изготавливает для новостроек на Волге и Днепре. Но одно дело — слова, другое дело — натура. Хотя и представлена она в моделях, однако опытный глаз и по моделям может судить о размерах и силе новых машин и сооружений.

К Илье Матвеевичу при виде всего этого пришла мысль, с которой он долго не мог расстаться. Он подумал о руде, заложенной в печь на плавку. Медленно, постепенно разгорается она, не сразу ее куски охватит жаром, от одного к другому перебрасывается жар, прежде чем забурлит, заклокочет вся масса, сплавляясь в прочный металл.

Мысль вела Илью Матвеевича дальше... Вот была в тысяча девятьсот семнадцатом пущена в великую переплавку человеческая руда, раскалялась она от года к году — и забурлила теперь, заклокотала; варится металл, какого еще свет не видывал.

Илья Матвеевич огляделся с опаской по сторонам — не услышал ли кто его мыслей: «Прямо сочинение сочиняю». Вспомнил единственную в большой семье дочку Тоню: как писала она зимой сочинение о новых коммунистических чертах советского

человека, — тоже складно получалось. А вспомнив Тоню, вновь подумал о Дуняшке и уже не забывал о ней до самого дома.

Нет, не по времени было неожиданным важное семейное событие — совсем в другом смысле. Еще неделю назад старая профессорша в консультации подтвердила свое прежнее предположение о том, что у Дуняшки родится ребеночек некрупный и ко всему прочему — девочка. А взял да и родился мальчишка. Богатырь, как объяснили в больнице. Не только из ружья — будь у Ильи Матвеевича пушка, из пушки бы стал палить с такой радости.

Не радость разве? Всё мальчишки да мальчишки появляются в семье. Вырастают коренастые, крепкие, хотя и не больно красавцы: в деда идут — лбы большие и глазами злюковатые.

— Да, так-то, Кузьмич! — повторил он, взял Егорова под руку, повел на крыльцо, где, прислонясь к столбу, изрезанному перочинными мальчишечьими ножами, стояла Агафья Карповна и все еще зажимала уши ладонями.

Агафья Карповна рассеянно смотрела поверх людей, куда-то вдаль, за калитку. Ее радость была иной, чем радость Ильи Матвеевича. Илья Матвеевич, узнав о рождении внука, тотчас зарядил централку и устроил еще один праздничный салют — «салют нации», на который сбежались соседи. Агафья Карповна как встала на крыльце, так и простояла безмолвно, защищая уши от ружейного грохота.

У времени, казалось, не хватало смелости тронуть эту женщину. Годы шли, прошло их тридцать с лишним в совместной жизни с Ильей Матвеевичем. Илья Матвеевич огрузнел, сесть начал, поглубже, позднее сделался, а она оставалась все такой же подвижной, тоненькой, легкой на ногу и по-девичьи обидчивой. Не заглянув в лицо, ее и теперь еще, бывает, окликнут на улице или в магазине: «Девушка!» И отношение к детям осталось у Агафьи Карповны с того далекого времени, когда родился ее первенец. Радость была смешана с тревогой. У них, у этих ребятшек, вечно болят ушки, горлышки; они хватают в рот какие-то гвоздики и пуговицы, — того и гляди проглотят; они падают с крыльца, их клюет гусак во дворе и бодает соседский козел. Все надо предусмотреть, обо всем помнить и все предотвратить. Трудно, до чего же трудно вырастить человека! Ей ли не знать

этого, Агафье Карповне, вырастившей четверых сыновей и дочку! И если Илья Матвеевич был прежде всего преисполнен семейной гордости от рождения внука и эта гордость была как бы стержнем его радости, то женская радость Агафьи Карповны, напротив, сама была стержнем, на который навивались предчувствия, предвидения новых забот и волнений о новом человеке.

Занятая думами, Агафья Карповна не заметила Егорова, который ей поклонился, подымаясь на крыльцо, и только сильная рука Ильи Матвеевича, тяжелая, будто кованая, вернула ее к деятельности. Рука эта легла ей на плечо и позвала в дом. Тогда Агафья Карповна захлопотала, стала приглашать гостей к наскоро накрытому столу. Гостем был каждый, кто зашел на «салют» во двор Журбиных.

Егорову хозяин дома поднес стопку тминной. Но Егоров ее отстранил:

— Не могу, Илья Матвеевич, и не проси! При исполнении служебных обязанностей. Сам понимаешь.

— Ну портвейнцу тогда. Как же? Рабочий человек родился! Уважить надо?

— Уважить — это да, это верно.

Егоров поколебался, осушил стакан, сказал: «Хватит, хватит, лучше я потом забегу» — и, с сожалением посмотрев на графинь, вышел.

Гости Журбиных в этот вечер не столько пили, не столько ели, сколько было у них разговоров за столом.

— Вот ты, Илюша, твердишь: рабочий человек родился, — говорил старый друг Ильи Матвеевича мастер Александр Александрович Басманов. Он то выставлял вперед острый подбородок, то поглядывал поверх очков. — А что, если вдруг академик или по государственной линии?

— Никакой разницы. — Косматая бровь накручивалась на палец Ильи Матвеевича чуть ли не с кожей. — Никакой. Главное — что? Главное — рабочий класс. Ты вот строитель кораблей, и такой строитель, что дай бог каждому из нас на тебя похожим быть...

— Ну, ну, Илюша! — Александр Александрович протестовал, но был доволен, лицо его, и без того морщинистое, покрылось сплошной сеткой мелких морщинок.

— И ты должен понимать, — продолжал Илья Матвеевич, — да, должен понимать... Что главное в корабле? Корпус! От него плавучесть, от него грузоподъемность, от него скорость хода. Все от него. Помнишь на занятиях проходили? Есть база, а есть надстройка.

— Вы, наверно, проходили «базис», а не «база», — поправил Илью Матвеевича младший его сын Алексей, менее других пошедший в журбинскую породу — высокий, статный, с темно-каштановыми густыми волосами, только брови у него уже и в двадцать два года косматились, как у деда и отца.

— Допустим, базис, — согласился Илья Матвеевич, не взглянув на Алексея. — Научно так научно. Корпус, значит, базис, остальное — надстройки да... пристройки. Вот и в обществе у людей... Рабочий класс — базис, все прочее...

— Путаешь, отец, — снова сказал Алексей. — Во-первых, класс базисом быть не может. А во-вторых, как же так? Там — общественные отношения, тут корабельные конструкции...

— Послушаем! — Теперь Илья Матвеевич повернулся к сыну, поправил очки; поправил свои очки и Александр Александрович: «Послушаем».

— Некогда мне, — ответил Алексей. — И так опаздываю. Без четверти девять. — Он взял с комода свою «капитанскую» фуражку и ушел.

— И верно, Илья Матвеевич, путаешь, — поддержал Алексея Тарасов, знаменитый на заводе специалист по центровке корабельных валов. — Корпус без машины — не корабль, а простое корыто.

— А вот на простом корыте первые мореходы и плавали! — Илья Матвеевич снял чашку с блюдца, поставил на нем торчком чайную ложечку. — Подымут парус и идут.

— Парус все-таки нужен, значит, — не сдавался Тарасов. — А что такое парус? Движитель!

— С вами спорить! — Илья Матвеевич махнул рукой. — Возьмите криво сшитый корпус, наворачивайте на него любые движители — посмотрю на ваше плавание. Нечего из-под меня клинья выколачивать. Рабочий класс, — он заговорил отчетливо, разделяя, рубя каждое слово, — корпус корабля всей жизни человечества. Я в международном масштабе объясняю... Дело ясное, и нечего ко мне цепляться. Рабочий класс сам себе и па-

руса какие хочешь сошьет, и машины построит, и рули... Вот про что говорю, говорил и говорить буду. Испытал, знаю, верю. Полное мое убеждение!

— Что-то ты, отец, сегодня того... — сказал старший сын Ильи Матвеевича Виктор. — Непонятный спор затеял.

— Почему это — непонятный? Очень понятный!

— Непонятный, отец. Кроме рабочего класса, есть еще и крестьянство, есть интеллигенция. Без них — как же?

— Обыкновенно. Рабочий класс — он и крестьянство за собой ведет, и интеллигенцию свою народил, и академиков, и государственных людей. Он — сила. Понял?

— Понял. Только ты про Антоново письмо позабыл.

— А чего — позабыл! Ничего не позабыл. Как бы ни перестраивали завод — все равно без нас, старых мастеров, не обойдется. Нет, Витя, не обойдется. Ты про Петра Титова слыхивал?

— Слыхивал.

— Что ты слышал? Человек сельской школы не окончил, — об этом ты знаешь? А тебе известно, что с конкурсом на проект броненосца получилось? Проектов в морское министерство нанесли гору. Рассмотрели их... Первая премия проекту под девизом «Непобедимый», вторая — под девизом «Кремль». Вскрывают конверт с надписью «Непобедимый», читают фамилию автора... Титов! Петр Титов. Вскрывают другой конверт. «Кремль». Опять: Титов. А кто он такой, Титов? Рязанский парнишка, рабочий корабельной мастерской Невского завода. Вот он, рабочий класс! Академики тогдашние картузы перед ним, перед Титовым, скидывали.

— Все-таки, батя, дело-то шестидесятилетней давности. В те времена рязанскому парнишке до инженерского диплома дойти было, скажем прямо, трудновато. Но учиться он учился с тех самых академиков, которые, как ты говоришь, впоследствии картузы перед ним скидывали.

— Нутром взял, нутром, опытом! Талант!

— Нутром! Что-то наш Антоха, инженером захотел стать, не за нутро ухватился, а за учебники.

— Ну и далеко нашему Антохе до Титова!

— Что он пишет-то, хоть объяснили бы, — сказал Александр Александрович. — А то говорите меж собой...

— Да вот пишет... — Илья Матвеевич наколол на вилку маринованный грибок и с безразличным видом принялся его жевать. Хорошо было рассуждать о руде. А дело-то поворачивается так, что, поди, и тебя самого возьмут в переплавку. Время такое... Те, на демонстрации, новое да новое показывают, а они, корабельные мастера, тот же кораблик на площадь вытащили, что и пять лет назад.

— Пишет, — за отца ответил Виктор, — что закончил вот проект реконструкции нашего завода. Под руководством профессора Белова работал.

— Белова? — Александр Александрович поправил очки на переносье. — Большой силы ученый! Встречались с ним, приходилось. В Ленинграде. А что реконструировать будем, не пишет?

— Все пишет, — пробурчал Илья Матвеевич. — На поток, мол, перейдем.

— Значит, не только за внука палил ты сегодня! — Тарасов потянулся за бутылкой, чтобы налить вина.

— Дело долгое, — сказал Александр Александрович. — Наш завод реконструировать — три пятилетки пройдет. Старый заводик.

Никто ему не возразил, но никто и не поддержал его. Все промолчали. Задумались. Было над чем задуматься. Новость, о которой Антон сообщал в поздравительном письме, полученном Журбиными накануне Первого мая, касалась каждого из присутствующих. Если что-то будет меняться в жизни завода, разве ничто не изменится и в их личной жизни? Был позабыт спор, затеянный Ильей Матвеевичем. Никто уже и не помнил, из-за чего он возник; никто, кроме Агафьи Карповны, не думал больше о виновнице застольного пиршества — о Дуняшке, которая после мук и мытарств, сопутствующих рождению нового человека, крепко спала в палате родильного отделения, о молодом отце, одном из сыновей Ильи Матвеевича — Косте, который измучился в этот день, пожалуй, не меньше, чем сама Дуняшка, и тоже дремал, на диванчике в вестибюле больницы.

— Когда же они там успели, — как бы самому себе задал вопрос Александр Александрович, — проект этот составить? Тяп-ляп — и вышел кораб, — так, что ли?

— Тяп-ляп!.. — Илья Матвеевич поймал на вилку новый грибок. — Больше двух лет занимались.

— И никто не знал?..

— Кому надо, тот знал. В секрете, пишет, держали. Государственное дело. А теперь из секрета вышло.

— Ну а что, что?.. Как?.. На поток — общие слова. Как оно будет? — заговорил Александр Александрович. — Если по примеру новых заводов, — какую стройку надо начинать! Одни цеха ломай, другие закладывай...

— Так и придется.

Виктор разложил на столе газету, и по ней стали чертить красным карандашом. Ломались и закладывались цехи, наново перекраивалась заводская территория.

Но реконструкция — только ли зданий, станков, оборудования она касалась? Ни Илья Матвеевич, ни Александр Александрович и никто из присутствующих в этот вечер за столом в доме Журбиных не подозревали о том, что принесет каждому из них задуманная Антоном перестройка завода.

2

Выйдя за калитку, Алексей остановился: надо было решить, как побыстрее попасть в клуб.

Клуб еще задолго до войны построили за Веряжкой, на холме, на пологих склонах которого несколько позднее разбили прямые улицы, заложили фундаменты двух десятков многоэтажных зданий, начали возводить стены. Война прервала стройку в самом разгаре, помешала замыслу архитекторов, по которому Старый поселок должен был исчезнуть с географических карт, а в полутора километрах от него надлежало возникнуть красивым кварталам, которые соединили бы завод с городом. Котлованы, обведенные бутовой кладкой, залило ржавой подпочвенной водой; в них, как в прудах, по всем законам природы росли мрачные рогозы с подобными шпагам жесткими листьями и каждую весну заводились жизнерадостные головастики.

Только спустя год после войны работы на холме начались вновь. Домик за домиком разваливались в Старом поселке под топорами плотников, жители переезжали на новоселье за Веряжку. Была когда-то в Старом поселке Лоцманская улица. Теперь ее здесь не стало — она за рекой. Была Мачтовая — тоже «уехала» целиком. Сильно укоротилась и Якорная.

Алексее была видна вся ночная панорама заверяжья, которое, в отличие от Старого поселка, называлось Новым поселком, но уже давно не было ни поселком, ни городком, а составляло окраинную часть Приморского района города. Яркими огнями были обозначены этажи домов, похожих во мраке на огромные медлительные корабли. Матросы судов дальнего плавания, стоявших на ремонте в заводских доках, с моряцкой своей насмешливой снисходительностью ко всему сухопутному, так и называли эти дома — сорокатрубными пароходами.

Алексей окинул взглядом ряды огней, которые пестрым ожерельем опоясывали холм, отыскал среди них матовые фонари возле клубного подъезда; через десять минут под один из тех белых шаров придет Катя.

Надо было спешить. Алексей пошел, почти побежал прямоком через раkitник, которым поросли берега Веряжки. В кустах было сыро и грязно, хлюпало под ногами. При иных обстоятельствах Алексей, наверно, пожалел бы новые ботинки и светлый костюм, на котором ветви раkitника оставляли длинные полосы какой-то белой дряни. Но до костюма ли, до ботинок, когда ты опаздываешь на свидание!

Он и в самом деле опоздал. Катя, в широком обманчивом пальто, которое делало ее маленькую крепкую фигурку неприлично полной, сиротливо стояла на мокром тротуаре, под фонарем, вся освещенная с головы до ног. Выбиваясь из-под шляпы, выющиеся волосы ее сияли золотом. С рассеянной пристальностью она разглядывала афишу в клубной витрине, затянутой провололочной сеткой.

От волнения, от быстрого бега у Алексея перехватило дыхание.

— Катя... простите... пожалуйста. У нас родился внук!

Лицо у Кати было какой-то необыкновенной чистоты, глаза голубые, губы пухлые, яркие. Таким глазам и губам только бы улыбаться. Но они не улыбались.

— Поздравляю, — сказала Катя безразличным тоном. Она считала этот холодный тон единственно подходящим по отношению к Алексею, который опоздал. Сама она пришла ровно в девять, и даже не в девять, а несколькими минутами раньше, но выждала до девяти, прячась за трансформаторной будкой.

Пока она снимала в гардеробной пальто и шляпу, покаправляла прическу и одергивала складки короткого полосатого платица, Алексей, робея, стоял в сторонке. Он понимал, что должен бы помочь ей снять пальто, отдать его гардеробщику и спрятать в карман жестяной номерок; понимал, а как сделать это все половчее, не мог придумать. Чтобы занять время, он то и дело вытаскивал и снова прятал носовой платок, причесывал волосы, и так достаточно причесанные.

Робость и беспокойство Алексея усиливались еще и оттого, что, пригласив Катю на танцы, он вдруг усомнился в своих способностях. До этого вечера ему приходилось танцевать только дома, с Костиной женой Дуняшкой да с Лидой — женой другого брата, Виктора, которые и были его наставницами по части вальсов и краковяков. Что, если он собьется с такта или отдавит Кате ногу? И вообще — зачем он затеял такую чепуху: приглашать ее на танцы? Вечер теплый, тихий, гуляли бы где-нибудь. Но как было сказать: «Пойдемте гулять со мной, Катя»? Другое дело — показал билеты, и хотя бормотал что-то не очень внятное, билеты говорили сами за себя.

Катя не спеша — к чему спешить, когда уже опоздали? — проделала все, что проделывают девушки перед зеркалом театрального гардероба, даже, посплюнвив палец, пригладила золотистые брови, которые совсем не надо бы приглаживать — пушистые они были куда красивей, — еще раз одернула платье, поправила на нем пояс и повернулась к Алексею, по-прежнему холодная и безразличная.

Музыка в зале гремела. За приоткрытой дверью мелькали руки, плечи, локти, спины, затылки, раскрасневшиеся лица, тянуло запахом духов и пудры.

— Надо подождать перерыва, — сказала Катя. — Посидимте пока где-нибудь.

Они зашли в гостиную, которая в клубном указателе, висевшем в вестибюле, называлась «Зимний сад». О саде здесь ничто не напоминало, кроме двух искусственных пыльных пальм в зеленых кадках да огромного аквариума без воды, в котором на дне были густо набросаны окурки и бумажки от конфет. Катя присела на диван, стараясь не помять платье. Возле нее, в некотором отдалении, сел и Алексей.

— Вот не думала, что вы такой старый, — сказала она. — Уже и внук!

Ей наскучило разыгрывать обиду. Наконец-то улыбнулись эти глаза и губы.

— Да нет, это у брата! — принялся объяснять обрадованный Алексей. — Мне — племянник.

— У вас много племянников, дядя Леша?

— Один.

— Наверно, очень беспокойно, когда в доме маленькие дети.

— Наверно, — согласился Алексей и для чего-то подергал себя за галстук.

Трудно вести разговор ни о чем. А первый разговор при первом свидании, как на грех, всегда ни о чем. Выручала Катя.

— Я бы не хотела иметь детей, — продолжала она. — Да и замуж не скоро выйду. Надо учиться. Вы знаете, мне не удалось осенью поступить в институт. Только окончила десятый класс, сдала экзамены, получила аттестат, вдруг, нате вам, — заболела мама!

«Ну и хорошо!» — чуть было не крикнул Алексей. Поступи Катя в институт, разве он ее когда-нибудь встретил бы?

— Еще удачно, — говорила Катя, — что я в школе научилась чертить. Иначе не знаю, что бы мне и делать. Чертежница — все-таки квалификация. Только неинтересная.

— Неинтересная?

— Конечно. Водишь и водишь целый день карандашом. Скучно. У вас другое дело!

Катя вспомнила день — это было еще осенью, — когда она впервые увидела Алексея. В синей спецовке, с лицом, испачканным ржавчиной, диковатый, глаза злые, он подошел к ее столу, держась позади главного конструктора. Главный конструктор Корней Павлович сказал: «Товарищ Травникова! Вот вам эскиз, сделайте, пожалуйста, рабочие чертежи этого приспособления. Надо помочь молодому человеку».

Корней Павлович ушел. «Молодой человек» долго и старательно объяснял Кате, что ему нужно, но Катя и без его объяснений разобралась в эскизе.

Не только чертежи, а и само приспособление давно было изготовлено, Алексей же с тех пор хотя бы раз в неделю, в две недели непременно заходил в конструкторское бюро. Катя чувство-

вала, что отнюдь не путаница в чертежах вела клепальщика Журбина к ее столу, тем не менее терпеливо исправляла в этих чертежах все, чего требовал Алексей. С нарочито хмурым лицом неотрывно следил он за ее рукой, вооруженной карандашом или прозрачным угольником из целлулоида. А вчера взял вдруг и принес билеты на вечер танцев. Боялся: откажется. Но Катя и не думала отказываться, приглашение приняла. Первое в ее жизни приглашение на танцы! И когда Алексей не пришел вовремя к тому фонарю, под которым уговорились встретиться, она почувствовала себя глубоко несчастной. Мимо нее к подъезду клуба пробегали последние пары опоздавших, она все стояла и стояла, ноги не хотели идти домой: а что, если Алексей еще придет?

— Да, Алеша, у вас совсем-совсем другое дело, — повторила она. — У вас такая интересная работа.

— Клепка — что в ней интересного? Стучи да стучи.

— Все-таки лучше, чем скучные чертежи. Клепальщиком мне, конечно, не бывать. Я хочу быть историком. Как только мама совсем поправится, сразу же уеду в Москву или в Ленинград, поступлю в университет. Вы любите историю?

— Любить-то люблю, — ответил Алексей не очень твердо. — Но если говорить по-честному, отстал... знаю мало. Времени нет заниматься.

Катя понимающе кивнула.

Разговор становился проще, свободней. Катя все меньше заботилась о складках платья, Алексей не вытаскивал поминутно носового платка из кармана и не дергал галстук. Каждый спешил рассказать о себе, о своей жизни и с интересом выслушивал другого.

Они не заметили, как начался перерыв, не замечали знакомых, которые, заходя в гостиную, здоровались с Катей или Алексеем, и, когда в зале вновь грянула музыка, оба рассмеялись.

— Ну вот, — сказала Катя. — Опять опоздали!

Да и зачем теперь какие-то танцы! Алексей предложил пойти погулять, храбро подал Кате пальто, но взять ее под руку отваги уже не хватило.

Они ходили по улицам, стояли на мосту, всматриваясь в темную воду, кружили окраиной города, по безмолвному уговору выбирая путь длиннее и безлюдней. И все говорили, говорили...

Может быть, майское небо в эту ночь и было для кого-нибудь черным, закутанным в серые плотные тучи, — только не для Алексея.

3

Среди Журбиных были двое, до кого весть о пополнении семьи, несмотря на шумный «салют», в срок не дошла. Когда гремели залпы Ильи Матвеевича, эти двое сидели за столом в домике на дальнем конце Старого поселка и сражались в пашки.

Один из них приходился братом-погодком Илье Матвеевичу и до того был похож на Илью Матвеевича, что на заводе их постоянно путали. Василий Матвеевич тоже лысел, тоже не давал покоя своим бровям, и вокруг его короткой могучей шеи, как и у брата, не сходились воротники покупных рубашек.

Другой — до глаз обросший седой бородищей с остатками прежней смолевой черноты, косматый, потому что в бороде этой ломались любые расчески, — походил на жилистого старого-престарого льва, мудрого, познавшего жизнь. Это был патриарх, глава семьи, отец братьев Журбиных, Матвей Дорофеевич, дед Матвей.

Каждое воскресенье и каждый праздник он с утра приходил к Василию Матвеевичу и гостил тут до поздней ночи. Официальной целью таких посещений служила необходимость разузнать, что и как творится на свете. Василий, дескать, член завкома, с горы ему все видно, все известно. Но была и другая, за долгие годы ни разу не названная своим именем, тайная — и главная — цель. Опыт жизни подсказывал деду Матвею, что, как бы хорошо ни относились к нему родные, как бы ни берегли его, как бы ни заботились о нем, все-таки их тяготят его стариковские недуги, его капризы и родные устают от него за неделю. Он уходил к Василию якобы за новостями и разъяснениями — которые мог получить и дома, — на самом же деле, чтобы дать отдых Илье, Агаше, внукам и их женам.

У Василия Матвеевича деду были всегда рады. Даже в семьдесят восемь лет он не был тем скучным стариком, какие нагоняют тоску на окружающих. Он любил поворчать, «поучить» — ну что ж такого! Зато он знал тысячи удивительных историй.

Даже сердитая и не слишком покладистая жена Василия, Марья Гавриловна, и та затихала, когда он принимался за рассказы.

В самом деле удивись: годы идут, а рассказы дедовы никогда не повторяются — все новые да новые. Когда его спрашивали, не сам ли он их выдумывает, дед Матвей отвечал: «Жизнь почище нас с тобой выдумщица».

Деда Матвея не раз приглашали в ремесленное училище: вот, мол, послушайте, ребята, каким трудным путем шел рабочий человек в былые времена! Дед придет к ребятам, примется вспоминать соломенную деревушку где-то в Тверской губернии, отца своего Дорофея, у которого он был последышем, одиннадцатым по счету, и потому нежеланным: лишний рот. Вспомнит тот день, когда умерла мать и отец чуть ли не у ее могилы объявил ему решение отправить его в ученье, в город.

Памятное было ученье. Три года провел он под сводами жестяно-медницкой мастерской «мастера Отто Бисмарка» — как значилось на облезлой вывеске над входом в подвал. Научился выпиливать в тисках ключи к замкам, паять чайники, лудить самовары и кастрюли. Но хотя очень полюбились ему работа, в результате которой из рук его выходили полезные людям вещи, сильно тосковал по ребячьей жизни. Годам к тринадцати тосковать перестал, ничто как будто Матвея уже не интересовало и никуда его не тянуло.

Однажды соборный дьякон принес в мастерскую необыкновенную штучковину: клетка из бронзовых прутьев, сведенных кверху куполом, и в ней на жердочке пичуга ростом со щегла, вся в красных ярких перышках. Дьякон покрутил ключом вниз клетки, пичуга встрепенулась, пискнула по-живому и опять замерла.

— Вот, — сказал дьякон хозяину, — дальше не идет. Сломалась. А как пела, как пела, что кенарь! Дар матушки Марии Феликсовны, стрепетовской помещицы. Бесценный дар. Дорожу им. Ничто не утешит, ежели утрачен он навечно. Взываю, верните, Отто Карлович, к действию, ни перед чем не постою!

Хозяин унес клетку в свою квартиру в надворном флигеле, вдвоем с лучшим мастеровым Иваном Гусевым сидел там, запершись, восемь дней с утра до ночи. Все эти дни работа валилась из рук Матвея. Он только и думал о пичуге, поразившей

его ребячье воображение. Неужто человек такое чудо сработал? Вот-то, поди, мастер! Он слышал из разговоров, что есть на свете особенные люди, у которых золотые руки. Не иначе, только руками из чистого золота и можно было смастерить красноперебую диковину.

На девятый день хозяин появился в мастерской, швырнул клетку на стол, на который ставились готовые починки, обругал мастеровых, подмастерьев и мальчиков — всех сразу, двинул дверью так, что на верстаках забрякало и зазвякало. Иван Гусев объяснил:

— Ярится Отка. Не то, говорит, плохо, что птица не запела и убыток ему, а главное — авторитет фирмы страдает.

Матвея лихорадка брала от желания заглянуть в нутро птицы, развинтить ее, проникнуть в тайну чудесного пения.

К его счастью — а получилось потом к несчастью, — дьякон долго не приходил, клетка стояла и стояла среди кастрюль и самоваров. И каждую ночь, когда уснут мастеровые в своей казарме, Матвей прокрадывался через окно в мастерскую, зажигал свечу и шестерню за шестерней, пружинку за пружинкой, штифтик за штифтиком разбирал и исследовал птичий механизм.

Бессонные ночи стали сказываться: когда он шел, то покачивался как пьяный, глаза сами закрывались над верстаком. Ему казалось — еще бы ночь, еще бы две ночи, и тайна птицы будет раскрыта. Но явился дьякон и унес птицу. А на другой день снова пришел и накричал на хозяина: птица-де окончательно испорчена. Один из мастеров предал Матвея: видел, мол, как тот копался в клетке. И вот ему объявлено: «Марш куда знаешь!» А куда «марш»? Домой, конечно, к отцу. Шестьдесят верст пешком. Матвей пошел, но не одолел он и четверти пути — свалился в какой-то деревне и пролежал в доме сердобольной вдóвой старушки три долгих недели. Слышал, над ним говорили: «Горячка».

Едва встав на ноги после болезни, впервые понял, какую драгоценную кладь унес он из грязной, вонючей мастерской Отто Бисмарка. Началось с того, что починил замки в избе приютившей его бабуся; затем, когда немного окреп, стали звать старушкины соседи — у них тоже всяческие починки. Матвей переходил из дома в дом, переезжал из деревни в деревню, со-

брал помалу в холщовую сумку немудрящий инструментишко — лудил, паял, точил. К отцу, к братьям не тянуло. Матвей Журбин, сам того не зная, стал рабочим, пролетарием, которому нечего терять, потому что все его богатство — руки, трудовые, избитые молотками и разъеденные кислотой руки.

Такие руки в те годы были всюду нужны. Российская родовая знать отступала перед промышленниками и предпринимателями, на месте перекупленных загородных имений и дворцов строились заводы. И когда Матвей добрался до Петербурга, его сразу же взяли на корабельную верфь слесарем. Но долго ему на одном месте не работалось. Привык к бродячей жизни, такой привольной после мастерской немца. Переходил Матвей с завода на завод, с фабрики на фабрику, все чего-то искал, а чего — и сам не знал толком. Он менял профессии, узнал токарный станок, узнал котельное дело, литейное; отправился в дальнее плавание кочегаром, посмотрел заграничные страны — Индию, Японию, был на острове Борнео, в шумном порту Сингапуре, в Южной Америке.

Двадцати лет его забрали в солдаты, в драгунский полк, расквартированный в Польше под Ломжей, на должность — в соответствии со слесарной специальностью — помощника полкового оружейного мастера. Оружейное дело пришлось Матвею по душе. Ухватился он за него так, что через год или два уже сам стал мастером. Приедет инспекция — оружие в полку всегда в полной исправности. Командир, понятно, доволен, на поощрения оружейнику не скупился, ценил его, потворствовал ему. И когда случилось происшествие, из-за которого другой бы кто бед не ободрался, Матвей Журбин вышел из него вполне благополучно.

Об этой поре и вообще о дальнейшей своей жизни старик ребятишкам-ремесленникам не рассказывал, умалчивал о ней; да и как о таком расскажешь? Познакомился он там, под Ломжей, с молоденькой полячкой, дочерью местного столяра-краснодеревщика, Ядей Лучинской. Драгун — здоровяк, чернобровый, глазастый. Полячка — тоненькая, белокурая, синеокая. Влюбились друг в друга — жизни обоим нет. И еще оттого жизни нет, что столяр Лучинский просватал дочку за ломжинского учителя пана Скрипку. Но Матвей не отступил перед паном.

ВСЕВОЛОД АНИСИМОВИЧ КОЧЕТОВ

ЖУРБИНЫ

•
БРАТЯ ЕРШОВЫ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры София Сумарокова, Анна Быстрова, Полина Дроздовская

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.07.2026.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-42419-01-R